

Олег Врайтов

**ЗАПИСКИ
ФЕЛЬДШЕРА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В81

Врайтов Олег

В81 Записки фельдшера / Олег Врайтов. — Москва: Изда-
тельство АСТ, 2015. — 320 с. — (Доктора и интерны).

ISBN 978-5-17-091894-2

Нет перерывов в работе «Скорой помощи». Нет выходных, нет праздников, нет больничных и нет отгулов. Двадцать четыре часа в сутки люди, набирающие заветные цифры «03», должны слышать: «Вызов принят, ждите, бригада будет». За всем этим стоит один-единственный человек, отвечающий за все. И волей судьбы сейчас, на данный момент, этот человек — ты. Ты не имеешь права на ошибку, не имеешь права на эмоции, не имеешь права на усталость и раздражение, на болезненное состояние. Ты имеешь только обязанности, которые нельзя обойти и игнорировать. Нелегко.

Но иначе нельзя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 20.05.15 г. Формат 84×108¹/₃₂.

Усл. п. л. 16,80. Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ISBN 978-5-17-091894-2

© ООО «Издательство АСТ», 2015

«СКОРАЯ», ПРИМИТЕ ВЫЗОВ!

- «Скорая помощь», семнадцать.
- «Скорая», десять, слушаю вас.
- «Скорая», двадцать один. Что случилось?

Голоса диспетчеров переплетались в воздухе большой комнаты, оборудованной под оперативный отдел. Все четыре линии телефонов «03» давали о себе знать почти каждую минуту, наполняя помещение звоном телефонных аппаратов. Периодически в этот шум вклинивалась рация, наполняя помещение статическим треском и воем атмосферных помех.

Старший врач потянулась в кресле, с неудовольствием отметив, как хрустнула спина. Годы, чтоб их... Бригадная работа давно позади, но последствия ее до сих пор напоминают о себе. Остеохондроз, к примеру, уверял, что ночные холода и ветры, нагрузки на неловко изогнутую спину при переноске носилочных больных из барачных и захламленных квартир не забыты и полностью зачтены уставшим за шестьдесят третий год жизни позвоночным столбом. Гортань болезненно вздрагивала и нервно требовала бронхоспазмолитиков, стоило из коридора пахнуть гипохлоритом, которым санитарки щедро драили полы и стены станции. Бронхиальная астма с аллергическим компонентом на это чудное дезсредство, прошу любить и жаловать. Локтевой сустав правой руки сдержанно ныл, намекая, что серая кромка туч на горизонте не просто так, а скоро рухнет на головы реками грязной ливневой воды. Надежда Александровна потеряла локоть здоровой рукой, безуспешно стараясь прогнать так некстати проснувшийся болевой симптом. После того вывиха на вызове, когда они с Олей еле унесли ноги от разгневанного отказом наркомана,

суставные боли стали непременным атрибутом ее долгой жизни.

В преддверии суточного сидения в кабинете хотелось спать уже заранее, прямо с утра, не дожидаясь даже обеда. Позже, ближе к полудню, когда пик вызовов спадет, можно будет подремать на диванчике. За эти годы она научилась засыпать даже под голоса диспетчеров.

— ...что у вас случилось? Давно? Хорошо, говорите фамилию. Фамилию скажите. Мужчина, я не просто так спрашиваю! Есть мне разница!

— ...куда — к нам? Морская, 16. Нет, еще не выехали, свободных бригад нет. Так нет! Что? Женщина, не надо ругаться, я же с вами нормально разговариваю. Ждите...

— ...адрес какой? Где будут встречать? Встречать, спрашиваю, кто и где будет? Что? Да откуда я знаю, где вы живете?

Все одно и то же, день ото дня. Людская злость и раздражение так и плещут из телефонных трубок. Не надо быть психологом, чтобы знать, что с человека в страхе — не важно, за себя или за своих близких — мгновенно слетает тонкая шелуха цивилизованности, полностью обнажая то зубастое звериное эго, которое выжидающе таится в глубине нейронных связей. Редко, очень редко, встречаются те, кто, вызывая бригаду «Скорой помощи», не срываются на мат и оскорбления. И не называют через каждые три минуты, выясняя, выехала ли бригада.

— Сам пошел! — рявкнула Марина Афанасьевна, с гротом бабахая трубкой о телефон. — Козел драный, твою...

— Марина! Выражения!

Диспетчер зло фыркнула, отворачиваясь. Надежда Александровна не стала развивать инцидент — слишком уж обыденной является ситуация. Надо поистине иметь стальные нервы, чтобы работать фельдшером по приему вызовов. И, в частности, терпеливо выслушивать в свой адрес различные оскорбления и угрозы, как невнятные, так и вполне конкретные, по двенадцать часов кряду.

— «Скорая», двадцать один. Да, «Скорая», что... Куда?

Да говорю же вам, выехала бригада, встречайте! Да откуда я знаю, где они! Пробки на дорогах, мы же не на вертолете к вам...

Даже в кабинете старшего врача было слышно, как орет на том конце провода вызывающий. Диспетчер Надя брезгливо сморщила носик, выслушивая в свой адрес очередную волну грязи, после чего положила трубку.

— Что пообещал? — поинтересовалась Марина Афанасьевна.

— Я тебя, сказал, пробл...шка, сегодня найду и матку вырву. И еще кое-что.

Надежда Александровна вздохнула.

— Надюша, а что там?

— Живот болит, сказал. Три дня как. И жидкий стул примерно столько же.

— Ясно...

Требовательно зазвонил старый дисковый телефон, стоящий по левую руку. В отличие от мелодичных диспетчерских «Панасоники», этот загрохотал так, что старший врач чертыхнулась.

— «Скорая», старший врач.

— Алло, это вы там главная? — требовательно ввинтился в ухо женский фальцет.

— Там — это где?

— На «Скорой» вашей!

— В данный момент — да.

— Ваша фамилия?

— Васильева Надежда Александровна. Я вас слу...

— Сколько можно врачей ждать?! Здесь мужчину рвет уже двадцать минут, звонили уже три раза, сначала не брали трубку, потом сказали, что врачи уже поехали! Их до сих пор тут нет, я встречаю! У вас совесть есть?

— По какому адресу вызывали?

— Самшитовая, 26, тут мужчине во дворе плохо, они водку пили, и его теперь рвет прямо в детскую песочницу! Кто это все убирать будет, интересно мне з...

— Секунду, — поморщившись, прервала ее Васильева. — Марина, что там с вызовом на Самшитовую?

— Сейчас. Бригада четырнадцать, ответьте «Ромашке». Рация молчала.

— Бригада четырнадцать, один — четыре, «Ромашке» ответьте!

— *Отвечает бригада четырнадцать, это водитель,* — донеслось в кабинет через окошко.

— Где врач, Валера?

— *На вызов с фельдшером ушли... а, вон, идут назад.*

— Позови ее.

— *Ну что там?* — оживилась собеседница в трубке.

— Подождите, сказала.

— *Слушаю, «Ромашка»,* — раздался в диспетчерской искаженный расстоянием голос Милявиной.

— Офелия Михайловна, вы где находитесь?

— *На месте вызова, где же еще?*

— Тут звонят встречающие, говорят, что бригады до сих пор нет.

— *Пусть глаза свои разуют!* — вспыхнула Офелия. — *И встречаются где положено, а не у черта на куличках!*

— Ясно, четырнадцатая. Что с больным?

— *Отравление суррогатами алкоголя, повезем в «тройку».*

— Вас поняли, везите. Надежда Александровна?

— Слышала, — Васильева поудобнее перехватила трубку. — Женщина, вы меня слышите? Бригада больного уже обслуживает, вы где встречаете?

В трубке раздалось змеиное шипение, сменившееся гудками отбоя.

— Извинилась? — насмешливо поинтересовалась Марина Афанасьевна, откладывая рацию в сторону.

— И торт обещала испечь, — улыбнулась Надежда Александровна. — Марин, у нас кто на станции?

— «Шоки» и «психи».

— Милявину после госпитализации пригласи сюда, пусть для амбулаторных хоть кто-то будет. И Зябликова тоже, хватит ему по Цветочному шараться.

— Хорошо.

Зазвонил телефон диспетчера.

— «Скорая», десять, — взяла трубку Оля. — Слушаю вас. Что? Что? Какой адрес? Да, мы приняли вызов, сейчас не свободных бригад. Жалуйтесь, ваше право. Что? Да сама ты б...дь!

Привычно грохнула трубка о рогульки.

— Оля!

— Вы слышали, кем она меня...

— Оля, прекрати, сказала! Все эмоции после смены, ладно?

Телефон у Оли зазвонил вновь.

— «Скорая», де... — начала диспетчер. — Женщина, да сколько можно звонить, я же вам русским... Хватит орать!! Я тоже орать умею!

Васильева быстро вышла из кабинета и толкнула дверь в диспетчерскую, подходя к разъяренному фельдшеру. Оля, увидев ее, шелкнула кнопкой громкой связи.

Да, было что послушать!

— *Да у вас во дворе две машины стоят!* — заходился в крике женский голос. — *Кому вы брежете, я же с окна все вижу!*

— У меня свободных бригад нет! — рявкнула Оля. — Ждите!

— *Я вас там всех попересажаю, сволочи! У меня бронхиальная астма, на такие вызовы вы обязаны выезжать сразу же!*

— На чем я к вам выеду? На такси?

— *Да мне плевать, на чем! Вы должны!!*

— Я вам ничего не должна!

— *Так, девушка, вашу фамилию и номер! Я буду жалобу в Горздрав писать! Фамилию!!*

— А адрес домашний не нужен?

— Тише, тише, Оленька, — Васильева протянула руку. — Дай я поговорю. Слушаю вас.

— *Что — «слушаю»? Кто это?!*

— Это старший врач смены Васильева Надежда Александровна. Я вас слушаю!

— *Это я вас слушаю! Что у вас там за курвы работают?! У меня бронхиальная астма, я инвалид, а «Скорую» уже сорок*

минут жду! Я уже дышать не могу, вы понимаете или нет?! Вы на такие вызовы выезжать должны немедленно, а уже сорок минут прошло! Сорок!! Тут сдохнуть можно от вашей...

— Что вы принимали из препаратов?

— *Что?*

— Я спрашиваю, какие вы препараты приняли до приезда бригады?

— *Какие, нахрен, препараты?! Я дышать не могу, понимаете вы это или нет, идиотка!*

— Судя по тому, как вы кричите, у вас с дыханием все в порядке. Поэтому я и спрашиваю, что вы принимали. Я же вам не грублю.

— *Вы там что, издеваетесь все, что ли?! Я этого не оставляю, я к вашему начальству пойду, вы у меня все вылетите с работы, ясно?*

— Да ясно, ясно. Вылетим. Но ответьте мне все-таки, чем вы обычно снимаете приступ?

В трубке воцарилась кратковременная тишина.

— *Эуфиллин я принимаю!* — наконец бросила женщина. — *В таблетках, которые участковый назначил. Довольны?*

— Прекрасно. У вас он еще остался?

— *Нет! Я утром выпила последнюю, а сейчас задыхаться стала!*

— А из ингаляторов что-нибудь есть — сальбутамол, беротек?

— *Беротек. Мне он плохо помогает!*

— Сегодня принимали?

— *Да, принимала! Он плохо помогает, вы это можете понять? Через час все снова начинается!*

— Но помогает же? Вот и купуйте одышку беротеком, пока приедет бригада. Сейчас на станции сейчас свободных нет. Те, что есть — это специализированные. Мы не имеем права отправить к вам реанимационную бригаду, потому что если сейчас кто-нибудь вздумает утонуть, повеситься или отрубить себе палец, нам некого будет посылать. И тогда нас точно пересекают за то, что мы отправили спецбригаду на непрофильный вызов.

— *Мне что — палец себе отрубить, чтобы вы приехали?*

— Не надо ничего рубить. К вам приедут в любом случае, раз вы нас вызвали. Просто все бригады сейчас на вызовах — поймите нас! Если мы пошлем «реанимацию» к вам, а где-то автоавария случится — с родными погибших из-за своевременного не оказания медицинской помощи кто объясняться будет? Вы? Возьмете на себя смелость сказать людям, потерявшим родных, что противошоковая бригада в этот момент снимала вам приступ бронхиальной астмы, который вы и сами в состоянии снять?

В динамике телефона что-то отчетливо хрустнуло, и потянулись частые гудки.

— Сука, а? — прокомментировала Оля. — Я эту мразь хорошо знаю, не первый день звонит. Леня ей в аптеку шлепать, так «Скорую» вызывает...

— Оля, Оля, — Васильева умоляюще протянула руки. — Я тебя прошу! Ну, пусть сука, пусть мразь, пусть вызывает! Но не ори на них только.

— Да зла не хватает, Надежда Александровна! Талдычишь им одно и то же каждый раз!

— Все равно не убедишь. Уж поверь моему опыту — пока не оказана помощь больному, он, как и его родные, с бригадой разговаривают на разных языках. Когда они все на эмоциях, им что-либо объяснять бес-по-лез-но! Не поймут, по той простой причине, что не хотят понимать! В них эмоции бурлят, как правило — негативные, и они требуют выхода. На кого? А на «Скорую», тем более что повод шикарный — долго едут.

— Да трахала я их эмоции!

— Нельзя, Оленька. Это от тебя не зависит, как ни жаль. Приведу пример...

Диспетчерская притихла, с интересом прислушиваясь.

— Пример такой. Когда человек перепил, его что? Тошнит, правильно? Что ему делать остается?

— Вырвать, — хмыкнула Оля.

— Вот-вот, — согласилась Васильева. — Хоть и про- тивно, зато полегчает. Наклоняется он к унитазу, два паль-

ца в рот, к корню языка — и процесс пошел! А скажи мне, его остановить в этот момент реально?

— Нет, наверное.

— Нет наверняка! Если уж он начал, то не прервется, пока не завершит то, что начал. Зато когда завершит — станет как агнец божий, тих и кроток.

— Ну и..?

— Это касается и нас с вами. Долго едущая бригада для них — это те самые два пальца. А кто мы с вами — сами додумайте.

Диспетчера молча смотрели на старшего врача.

— Значит, — негромко сказала Оля, — эти все... будут на нас свою всю свою дрянь выливать и дерьмом обмазывать, а мы только утираться? Мы что, унитазами здесь работаем?

— А что делать? Моем же мы желудки больным, не морщимся. Считай, что это тоже разновидность медицинской помощи. Промывание мозгов. Более противная, более тяжелая, более унижительная процедура. Но необходимая.

Васильева тяжело вздохнула и направилась в свой кабинет.

Нелегко быть старшим врачом. Нелегко нести на себе весь груз ответственности за работу всей подстанции, каждой конкретной бригады, каждого врача, ставящего диагноз, каждого фельдшера, прокалывающего убегавшие от иглы вены, каждого водителя, продирающегося сквозь непробиваемые автомобильные пробки, каждого диспетчера, срывающегося после ливневого душа грязи, вылитой на него испуганными и злыми от своего страха людьми.

Нелегко.

Но иначе нельзя. Нет перерывов в работе «Скорой помощи». Нет выходных, нет праздников, нет больничных и нет отгулов. Двадцать четыре часа в сутки люди, набирающие заветные цифры «03», должны слышать: «Вызов принят, ждите, бригада будет». За всем этим стоит единственный человек, отвечающий за все. И волей судь-

бы сейчас, на данный момент, этот человек — ты. Ты не имеешь права на ошибку, не имеешь права на эмоции, не имеешь права на усталость и раздражение, на болезненное состояние. Ты имеешь только обязанности, которые нельзя обойти и игнорировать.

Надежда Александровна слабо улыбнулась, входя в свой кабинет. Работа... Ненавистная, утомляющая, вредная — все равно она дорога. Слишком много лет ей отдано, слишком много сил затрачено, слишком много души в нее вложено, чтобы отречься от нее. Кто-то из медицинских бардов сказал: «Мы своим здоровьем платим за бесплатность медицины всей». Эти слова достойны того, чтобы высечь их в граните, изваять в золоте, выжечь каленым железом...

— Надежда Александровна, — позвала Надя в окошко. — Вам сейчас позвонят со станции переливания крови — там что-то не так с доверенностью у водителя.

— Переводи звонок.

Васильева бросила беглый взгляд на часы.

Смена продолжалась...

Я — ФЕЛЬДШЕР

Странная штука — жизнь. Никогда не знаешь, как она повернет тебя, как распорядится твоей судьбой, в какие дебри кинет, на что обречет. Глуп тот, что искренне считает, что у него будущее известно на десять лет вперед. Глуп, глуп. Даже на десять минут вперед — и то загадывать смешно. Уж сколько рассказано историй на тему, когда кто-то вышел за сигаретами из дома и через два часа уже женился на их продавщице, да еще и умотал в Таиланд ближайшим рейсом для регистрации брака. Жизнь непредсказуема. И я в этом убедился на собственном опыте.

Вот скажите, что я, студент психологического факультета, сейчас делаю в санитарной «Газели»? Отвечу — придерживаю ногами терапевтический ящик, одной рукой держусь за переборку, а второй — за привинченную к ней ручку, и при этом оживленно верчу головой, вслед за фельдшером и водителем, разыскивая нужный дом. Время ночное, на улице капризная южная весна, по городу уже третью неделю ползут густые морские туманы, жрущие цветущую алычу и яблоню. Странное времяпровождение для будущего психолога, правда? Так что я тут делаю? А я и сам не знаю. Вот так вот сложилось. Прошлым летом я, закончив очередной, четвертый по счету, курс, тщетно искал работу, чтобы не кланчить деньги у родителей — хватит уже, двадцать лет, пора и самому их добывать. Нет, работа была, но как-то не прельщала — грузчик, курьер, рекламный агент и прочая тоска, подразумевающая ежедневное тяжкое вкалывание под палящим солнцем в обмен на такие гроши, от которых с фырканьем даже бомж отвернется. Хотя и эти, незавидные на первый взгляд, перспек-

тивы очень быстро оказались недостижимыми — я же был не единственным студентом, который хотел летом работать. Так вот, в июне месяце оказался я без работы, без занятий, без карманных денег (просить у родителей все же не позволила гордость) и был полон мрачных дум о грядущем курортном сезоне с пустотой в кошельке (что подразумевало, в свою очередь, массу пропущенных интересных мероприятий, которых от сезона и ждали), когда мне позвонил друг и предложил дикую на первый взгляд, работу — санитаром на «Скорой». Сначала, помнится, я лишь похихикал. Действительно, где я, будущий кабинетный Фрейд, и где экстренная медицина, о которой я лишь смутно что-то знал по советским фильмам и западным сериалам? Во-вторых, все было слишком ажурно, чтобы казаться правдой, в первых — слишком уныло и серо, чтобы вдохновиться. Ну и немаловажен тот факт, что я к медицине никаким боком, как в плане знаний, так и в плане навыков. И в родне ни одного медика, к слову.

— Да ладно тебе, Андрюха, не кривляйся, — убеждал меня в трубке басок друга. — Санитар — это не врач, вся его работа — сумку таскать, карточки писать да машину мыть. Сутки через трое, не упаришься. А? Да и работа поинтереснее, на больных посмотришь, с сотрудниками нашими познакомишься, а они у нас истории рассказывают — ууу, закачаешься. И три с половиной тысячи в месяц за шесть суток тебе лишние будут, что ли?

Остальное время я ломался только для виду. Да, сумма не то, чтобы хорошая, но неплохая для человека без образования и опыта. Плюс, действительно, подкупал тот факт, что трое суток между дежурствами у меня будут свободными, для всяких там «погулять» (в прочих вариантах рассматривалась только ежедневная работа пять, а то и шесть дней в неделю, какие там гульки...). А еще рассказы... знал он, зараза такая, что я человек общительный, охочий до всяких интересных историй. В общем, на следующий же день я, студент психфака, потопал на подстанцию «Скорой помощи», зажав во вспотевшей от волнения ладони папку с санитарной книжкой, паспортом, копиями школьного

аттестата и даже водительских прав — это было мое первое официальное оформление на работу, и я понятия не имел, что нужно.

А потом — выездная бригада. Сначала я дичился, как и любой новичок, попавший в спаянный долгой работой коллектив, где свои разговоры, свои интересы и свои порядки. Помню, на самом первом дежурстве, запуганный до крайней степени незнакомой и даже чуждой мне атмосферой, стиснув зубы и нахохлившись в углу комнаты отдыха, пообещал себе, что буду молчать всю работу, сидеть тихо, дышать беззвучно и таким вот образом как-нибудь доработаю до осени.

Не получилось. Коллектив действительно попался интересный, тут мой друг оказался прав на сто процентов. И работа куда увлекательнее, чем разгрузка фуры с морожеными цыплятами на товарном дворе хладокомбината. Я отработал одну смену, отработал вторую, отработал третью — и тут неожиданно поймал себя на том, что уже с нетерпением жду четвертой. Было тяжело, куда деваться от этой суровой правды — лето, наплыв отдыхающих, курортный сезон, неизбежный подъем кривой кишечных инфекций, но эта тяжесть как-то скрадывалась тем, что после любого, даже самого выматывающего вызова можно было присесть на краешек скамьи (в центр пока что стеснялся), с удовольствием вытянуть гудящие от усталости ноги и открыть пошире уши, потому что кто-то уже из врачей, затыгиваясь горьким дымом сигареты, азартно рассказывал подробности только что обслуженного вызова. А вот это я был готов слушать часами, и даже «сдергивание» нашей бригады на очередной вызов раздражало не потому, что впереди предстоит получасовая езда, подъем на этаж и жалобы больного человека, а только из огорчения, что история останется недослушанной.

Заразил меня друг. Лето закончилось, пришла осень, пятый курс и пора учебы. И я снова поймал себя на нетипичной для себя мысли, что изучение психологии уже не вызывает у меня прежнего интереса. Сидя на лекции и слушая очередные подробности о теориях личности и

бихевиоризме, я вспоминал ночные вызовы, черную сопящую резину кислородной маски, шумное клокотание дыхания пациентки и просящий взгляд уже блекнувших глаз. После снятого отека легких этой ночью, первого в моей жизни, после часовой возни в заставленной до тесноты квартире, после дикой боли в спине (бабушку спустили с шестого этажа на одеяле, с носилками бы просто не развернулись), после тряски по дороге, когда одной рукой я держал маску на лице пациента (крепежные жгуты отсутствовали), другой — саму пациентку, после опустошающей, но приятной усталости, когда она была передана врачу стационара, после всего этого — вопросы многозначности определения понятия «личность» казались мне мелкими и скучными. Я открыто зевал, лекцию слушал вполуха и рисовал на последней странице тетради несущуюся с «мигалками» нашу санитарную «Газель»...

* * *

Меня предупреждали, и неоднократно, дошутисься, мол, но куда там! Ну, неинтересно мне в институте! Тем паче, что наш институт вскоре после моего поступления сменил и название, и преподавательский состав, и учить нас стали уже не практической психологии, а не пойми чему. Моя вина, но я частенько не ходил на лекции теперь, а дежурил на бригаде сутками. Так было и сегодня, когда пришел однокурсник Стас и порадовал меня, что злых «непосещальщиков», в числе которых был и я, вызывает сегодня учебный совет — на разбор полетов. Суть данного разбора мне была понятна уже, без присутствия на нем: соберется коллегия маститых дядей и тетей и займется художественным разносом сникших под градом зловещих обещаний студентов. Нет, не хочу! Лучше доработаю смену.

— Андрюха, не гневи Бога, а? — угрюмо сказал Стас. — Мы там с тобой сегодня будем звездами программы, за неявку вообще вышвырнут. Пошли, чего уж там...

Куда мне было деваться? Отпросился у старшего врача, поехал в институт. Перед дверями деканата с